

Очевидно, что ученики Ключевского рассматривали публикацию главного сочинения своего учителя как реабилитацию достижений дореволюционной исторической науки. Не случайно в научно-исторической среде 1930-х гг. «старые специалисты» активно продвигали лозунг «Назад к Ключевскому!».

2. Научная и преподавательская работа в 1930-е гг.

Первые годы после ссылки оказались непростыми. Советская власть не спешила полностью реабилитировать историков. После возвращения Яковлев нашел работу в картографическом тресте, организовав там Бюро иностранной географической транскрипции¹. Специально для Д.И. Ульянова, возглавлявшего библиотечное дело в СССР, он написал обстоятельный доклад «О строительстве библиотек после войны 1914–1918 гг. в Соединенных штатах Америки»², где предложил перенять многое из опыта заокеанских коллег. Кроме этого, он пытался заработать переводами. Им был переведен роман В. Скотта «Айвенго»³. Он даже переводил книги по геологии, химии и медицине⁴. Только в 1938 г. он поступил на работу в созданный в 1936 г. Институт истории АН СССР.

Положение Яковлева после ссылки было достаточно шатким. Пережитые репрессии не могли не отразиться на его психологии. Его друг, академик В.И. Вернадский, в своем дневнике записал следующее: «М[ежду] прочим часто переходит [Яковлев. — В.Т.] на францу[зский] язык, т. к. думает, что во многих домах есть слуховые в стенах устройства для прослушивания. Я думаю, что он пересаливает»⁵. Очевидно, что такая подозрительность — следствие пережитого.

Яковлев активно продолжал заниматься археографией. В это время он начал энергичную деятельность по поиску и изданию исторических источников. Скорее всего, именно в это время ученый приходит к выводу, что введение в научный оборот новых исторических документов является главной задачей историка-профессионала. Объяснение этой позиции мы находим в воспоминаниях известного историка Л.Н. Пушкарева, посвященных годам работы с Яковлевым. В разговорах с молодым сотрудником Института Истории, работавшим под его началом над изданием таможенных книг XVII в., уже маститый историк говорил:

¹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 5.

² Там же. Ед. хр. 44.

³ Там же. Ед. хр. 192–194, 196–197.

⁴ Там же. Ед. хр. 274. Л. 19.

⁵ Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Кн. 2. М., 2006. С. 210.

«Поверьте, в истории так мало незыблемых истин. Я же об этом по собственному опыту сужу... Настанет время — все переменится. И критерии новые появятся, и периодизация иная будет, и взгляды новые, нам неизвестные, выскажутся! Все будет по-иному. А вот исторические источники — они как были, так и будут, это да, это — на века! Повесть Временных лет — она при всех переменах (неизбежных и непреходящих!) Повестью Временных лет останется. И я на склоне лет пришел к выводу: в исторической науке только археография неизменна и постоянна. И самый благородный труд — это издание источников»¹.

В 1938 г. под его редакцией под грифом Института истории вышли «Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.)». Работа по подготовке кабальных книг к публикации была начата Яковлевым еще с весны 1914 г., но из-за социально-политических катаклизмов затянулась до 1930 г., когда удалось напечатать 1000 экземпляров (первый вариант книги был готов к 1928 г.²). Тем не менее, в связи с начавшимся «Академическим делом» весь тираж был уничтожен, а работу пришлось начать заново³.

К 1940 г. была подготовлена к печати и опубликована первая часть «Актов хозяйства боярина Б.И. Морозова». У этого издания тоже оказалась сложная судьба. Книга была готова к 1930 г.⁴, но по изложенным выше причинам также не увидела свет. В 1933 г. в Ленинграде была издана лишь часть собранного ранее материала. В новом издании отказались от хронологического принципа расположения документов, заменив его принципом территориального происхождения источников. Как писал Яковлев в предисловии к новому изданию, «редакция отказалась от поуздной разбивки, проведенной в издании 1933 г., так как в данном случае важнее хронологическая последовательность мероприятий Морозова и реакции на них подвластного ему населения, а не некоторая предположительная (на деле мнимая!) реальная целостность его хозяйственных операций в его уездно-окружном масштабе, тем более что хозяйственные группировки Морозова вовсе не совпадали с поуздным делением его вотчины»⁵. Вторую часть удалось опубликовать только в 1945 г.

Готье за годы ссылки сумел опубликовать только перевод романа С. де Бержерака «Иной свет или государства и империи луны» (М., 1931).

---

¹ *Пушкарев Л.Н.* Три года работы с А.И. Яковлевым // *Историографический сборник*. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 160.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 38.

³ *Яковлев А.И.* Введение // *Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.)*. М.; Л., 1938. С. IV.

⁴ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 39.

⁵ *Яковлев А.И.* Археографическое введение // *Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова*. Ч. 1. М.; Л., 1940. С. 4.

После возвращения из ссылки Готье уже не написал ни одного крупного труда. Сказывались годы и пережитые события. Ученый печатался только в энциклопедических изданиях, в первую очередь Большой советской энциклопедии, где помещал статьи по археологии. Но он активно участвовал в университетской жизни, преподавал в различных учебных заведениях. Так, он вел занятия в МИФЛИ, МГИАИ, МГУ. Любопытно сравнить курсы его дореволюционных лекций и читанные в новое время. При ближайшем рассмотрении они несильно различаются. В курсах «История народов СССР», прочитанных в МИФЛИ и МГИАИ в 1936 г., Готье сделал упор на фактическую сторону. Это объясняется, с одной стороны, стремлением избежать политически опасных обобщений, а с другой — дать студентам представление о реальном ходе исторического процесса, поскольку отсутствовали пособия, а в школах давалось схематичное объяснение русской истории в отрыве от фактов. Курсы лекций не сохранились полностью, но при сравнении оставшихся фрагментов становится очевидным, что они дословно совпадают, а следовательно, дополняют друг друга.

В начале лектор указывал слушателям, что «история целого многонационального государства не есть процесс единый, что прошло много времени, пока очень разнородные национальности... сложились в многонациональное государство»¹. Он категорически отрицал мнение, по которому русская история начиналась только в 862 г., поэтому значительную часть курса занимали археологические экскурсии в древнейшие периоды. В определении социального строя славян к IX в. историк настаивал на том, что они находились в «переходном состоянии от родоплеменного строя»². В вопросе о русском феодализме Готье присоединился к мнению тех, кто признавал его существование³. В курсе лекций 1907 г. этот термин историком не используется. Видимо, в дальнейшем на него повлияли работы Н.П. Павлова-Сильванского и, возможно, Б.Д. Грекова. В курсе лекций, очевидно, в угоду времени классовая борьба рассматривается в качестве «величайшего двигателя истории»⁴. Впрочем, в самом тексте лекций акцент на классовую борьбу не делается, что указывает на формальное признание этого положения. Причиной упадка Киевской Руси ученый видел естественный процесс феодального разложения, выразившийся в закреплении смердов, а также княжеские усобицы⁵. Кроме внутренних предпосылок Готье, вслед за

---

¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Там же. Л. 105.

Ключевским, отмечал и набеги кочевников, приведшие к оттоку населения на север¹.

Историю раздробленности Руси историк показывал как развитие тех политических элементов (князь, вече, бояре), которые сложились в Киевской Руси. При этом он признавал, что в Галицко-Волынской земле процесс феодализации шел быстрее, чем в Суздальской². Параллельно собственно русской истории большое внимание было уделено литовской истории. Здесь ученый, обосновывая схему разложения родоплеменного быта у литовцев, сослался на Маркса и Энгельса³. Опираясь на работы М.К. Любавского, Готье рассматривал историю Литовско-русского княжества как продолжение киевской истории, хотя и отмечал огромное влияние Польши.

Значительное внимание было уделено причинам возвышения Москвы. Здесь автор выделял несколько факторов: географический (центр русских земель), экономический (узел путей сообщения) и политический (деятельность московских князей)⁴. Он признавал Москву во второй половине XIV в. «богатым и мощным торговым и ремесленным центром», ставшим центром объединения русских земель.

Таким образом, несмотря на то что историк старался дать объективную, фактическую картину русской истории, в его лекциях прослеживается следование официальным требованиям, выразившееся в использовании концепций Маркса — Энгельса, а также, может, и формальное, но признание классовой борьбы как основы исторического процесса. Это позволяет несколько скорректировать представление о Готье как историке, категорически, даже внешне, отвергнувшем марксистскую парадигму. Учившийся у Готье А.И. Зевелев, вспоминал: «Звонок. Готье собирает свои записи и вдруг: Не расходитесь, не расходитесь! Ай-ай-ай! Забыл пару цитат из „Краткого курса“. Вслед за этим зачитывал несколько высказываний Сталина. И это проделывал человек, побывавший в ссылке! У меня уже тогда, на втором курсе, закрадывалась мысль о том, что лектор или демонстрирует свою „перестройку“ в духе официальной идеологии, или что он остался прежним Готье»⁵. Приятно, конечно, думать, что это остался «прежний» Готье, но и он, несмотря на бравурные выходы, вынужден был следовать определенным правилам игры, соблюдать осторожность.

---

¹ Там же. Л. 108.

² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 13.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 115–122.

⁵ Цит. по: *Сидорова Л.А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующиеся черты // История и историки: Историографич. вестник за 2004 г. М., 2005. С. 212.

В 1937 г. он принял участие в дискуссии о системе вузовского исторического образования¹. 22 октября историк на совещании в Историко-архивном институте активно выступал за возвращение семинарских занятий и превращение их в одно из центральных звеньев вузовского образования. В особенности семинары, с его точки зрения, должны быть полезны первокурсникам, поскольку вводят их в «кухню» профессионального историка. «...Товарищи, ведущие практические занятия, — считал Готье, — будут иметь для первого курса большее значение, чем лектор, который читает лекции»².

Веселовский не был подвергнут следствию и высылке, поэтому на протяжении этих лет он продолжал работать. Хотя публиковаться ему не разрешали. Только в 1936 г. из печати вышла небольшая монография «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.». Сам факт публикации книги свидетельствовал, что вокруг историков «старой школы» была разрушена стена молчания.

В начале издания автор обозначал принципы построения текста. Он считал, что статистический метод при наличии имеющихся источников невозможен. «Остается путь описания и анализа фактов и явлений»³, т. е. нарративный подход. Несмотря на, казалось бы, локальный характер проблем, исследуемых в книге, в ней автор наметил многие вопросы общего хода развития феодализма на Северо-востоке Руси, поскольку эволюция селений рассматривалась в контексте трансформации крупных феодальных владений.

С его точки зрения, в исследуемое время (XIV–XVI вв.) существовало три типа селений: погост, село и деревня. Типичной и основной формой поселения в XIV–XV вв. была деревня в 1–3 двора. Термином «деревня» в купчих, по наблюдению историка, назывался комплекс земель, а не сами дворы и крестьяне⁴. Деревня, в концепции автора, была первичной формой заселения. Деревня рассматривалась исследователем как сельскохозяйственный комплекс в составе земель, пастбищ, леса и т. д., приобретавший устойчивый характер для писцов, записывавших даже запустевшие деревни⁵.

Термин «село» заметно эволюционировал во времени. Так, первоначально «село» — это «населенное владение, княжеское или боярское,

---

¹ Подробнее см.: *Чирков С.В.* Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 219–223.

² АРАН. Ф. 1646 (В.В. Максакова). Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 14.

³ *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 28.

в котором, кроме главного селения с владельческим двором, могло быть множество селений — деревень». В дальнейшем, в XIV–XV вв., село «приобретает значение центра церковного прихода»¹. Еще более кардинальной оказалась эволюция термина «погост». Первоначально это — «место, где останавливаются погостить приезжие торговцы». Кроме того, это места сборища людей. Задаваясь вопросом, почему погосты так и не стали полноценными поселениями, Веселовский пришел к выводу, что причиной этому стало то, что в то время «население вообще не селилось и не жило в крупных селениях»². И, как итог, в ходе исторического развития погостами стали называть деревенские кладбища.

На большом фактическом материале (автор дал поуздную картину эволюции селений, введя в научный оборот множество ранее неизвестных фактов) историк сделал выводы, что основной тенденцией со второй половины XV в. стало укрупнение селений³. Происходило это как по инициативе землевладельцев, так и в результате естественного роста населения.

Важнейшим событием в истории сельских владений на Руси стала опричина. Кризис, вызванный как внешними, так и внутренними факторами, привел к радикальному перестроению всего землевладения. Значительно это сказалось и не мелких селениях: «процесс уничтожения деревень-хуторов, начатый владельцами в конце XV в., был завершен разореньями первых двух десятилетий XVII в.»⁴.

Публикация была снабжена предисловием от редакции. По вполне правдоподобному предположению А.М. Дубровского, автором предисловия мог быть заведующий кафедрой истории русского феодализма С.А. Пионтковский⁵. В предисловии редакция выражала свое несогласие с «общей концепцией» автора. Утверждалось, что Веселовский отталкивается от теории «робинзонады, выработанной дворянско-буржуазной историографией»⁶. По мнению редакции, историк считает, что «начальной формой землевладения в России была частная земельная собственность отдельного двора». Отметим, что более или менее близкое описание указанного выше процесса в книге можно найти только на 120 стр., где рассказывается о заселении только района Углича. Почему авторы (автор) предисловия «раздули» из этого отрывка целую «концепцию», сказать трудно. Может, необходимо было

---

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 561.

⁶ От редакции // Веселовский С.Б. Село и деревня... С. 7.

найти несоответствие марксистской теории (Энгельс считал первичной формой землевладения общину), а в монографии, посвященной частным вопросам и написанной предельно фактографично, сделать это было сложно. Следует согласиться с А.М. Дубровским, который считает, что «упрек в „робинзонаде“, брошенный Веселовскому автором предисловия к его книге, был совершенно несостоятелен»¹. Тем не менее даже в предисловии приходилось признать, что Веселовский привлек и качественно проанализировал огромный фактический материал.

Веселовский к тому времени уже занимал в научном сообществе прочные позиции и пользовался заслуженным авторитетом, поэтому публикация вызвала закономерный интерес. обстоятельный разбор монографии написал Б.А. Романов. Правда, он был опубликован только в 1960 г.² В рецензии Б.А. Романов метко замечал особенности исследовательской стилистики Веселовского: «Над всем исследованием довлеет подчеркнутая конкретность изложения и громадная начитанность автора в источниках...»³. Рецензент посчитал излишним стремление автора к «конкретно-повествовательному приему изложения»⁴. Остановившись на многих, с его точки зрения, спорных конкретных вопросах, Б.А. Романов не согласился и с главной идеей Веселовского о деревне как первичной форме крестьянского хозяйства. По его мнению, такой формой было займище или починок, «в котором и ставится крестьянский двор или даже два и более дворов. Из починка, если он выдержал испытание некоторого времени, и возникает в официальных документах „деревня“»⁵. Отметим, что данный вопрос до сих пор остается дискуссионным в исторической науке.

Более критической стала рецензия С.В. Юшкова. Он повторил редакторскую ремарку о том, что Веселовский стоит на позициях буржуазной историографии⁶. Указал он и на отсутствие классового анализа в работе. С.В. Юшков раскритиковал и мнение Веселовского о том, что деревня являлась первичной формой землевладения, считая это спецификой только монастырского землевладения. Подводя итоги, автор рецензии все же признавал: «Подчеркивая ошибочность основной концепции автора и ряд допущенных им ошибок и упущений, нельзя не отметить,

---

¹ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 562.

² Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XVI–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 327–476.

³ Там же. С. 420.

⁴ Там же. С. 450.

⁵ Там же. С. 440.

⁶ Юшков С. Рец. на: Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936 // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 137.

что многие частные вопросы...были не только им заново поставлены, но и решены»¹.

Монография стала этапной в целенаправленном исследовании Веселовским проблемы эволюции феодальных форм землевладения. В изучении наследия Веселовского ей традиционно уделялось мало места. Между тем эта книга позволила исследователю уточнить первичные ячейки феодального землевладения, создав тем самым твердый фундамент для своих концептуальных работ по социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Многие выводы автора нашли отражение в последующих исследованиях. Так, в капитальной работе А.Я. Дегтярева было подтверждено, что основным видом поселений в XIV–XV вв. было одно-двухдворное². Л.В. Милов указал на климатические предпосылки целесообразности такого поселения³. Тем не менее, научно-исследовательский процесс изучения данной проблемы далеко еще не закончен. Но можно с уверенностью сказать, что монография Веселовского заметно продвинула исследования вперед.

3. С.В. Бахрушин в дискуссиях 1930-х гг.

Бахрушин как историк, стремившийся влиться в истеблишмент советской историографии, оказался в центре дискуссий о социально-экономическом характере Киевской Руси. 1930-е–1940-е гг. ознаменовались жаркими спорами о социально-экономическом характере Древней Руси. Дискуссии были важной частью становления советской исторической науки и являются показателем неоднозначности ее развития. Несмотря на марксистскую терминологию, на повестке дня стоял вечный вопрос о характере развития России по отношению к западноевропейским странам.

В ходе дискуссии выделилось две группы: сторонники теории феодальной сущности Киевского государства и историки, считавшие, что основой социально-экономического строя того периода было рабовладение. Первую группу возглавлял Б.Д. Греков. Его работы, чутко улавливающие позицию официальных властей, оказались в центре полемики. Именно позиция по отношению к книгам Б.Д. Грекова определяла положение Бахрушина в проходивших дискуссиях.

В 1936 г. он откликнулся на публикацию книги Грекова «Феодальные отношения в Киевском государстве», вышедшую в 1935 г. Рецензируя

---

¹ Там же.

² Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 49, 103–107, 116, 128–130 и др.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 440.